

ОТЛАЖЕНИЕ

Пролог. 5

Часть первая МИНА КАРТЕР

Глава 1. Котам по душе снег.	12
Глава 2. Снежный сон в летний вечер	22
Глава 3. Подойди к тени большого дерева	41
Глава 4. Кровь обогащает белый батист	55
Глава 5. Тануки и самурай.	74
Глава 6. Бумажные стены, через которые слышно всё	92
Глава 7. Трудности перевода бранных слов	102
Глава 8. Последняя ночь Мины Картер	120

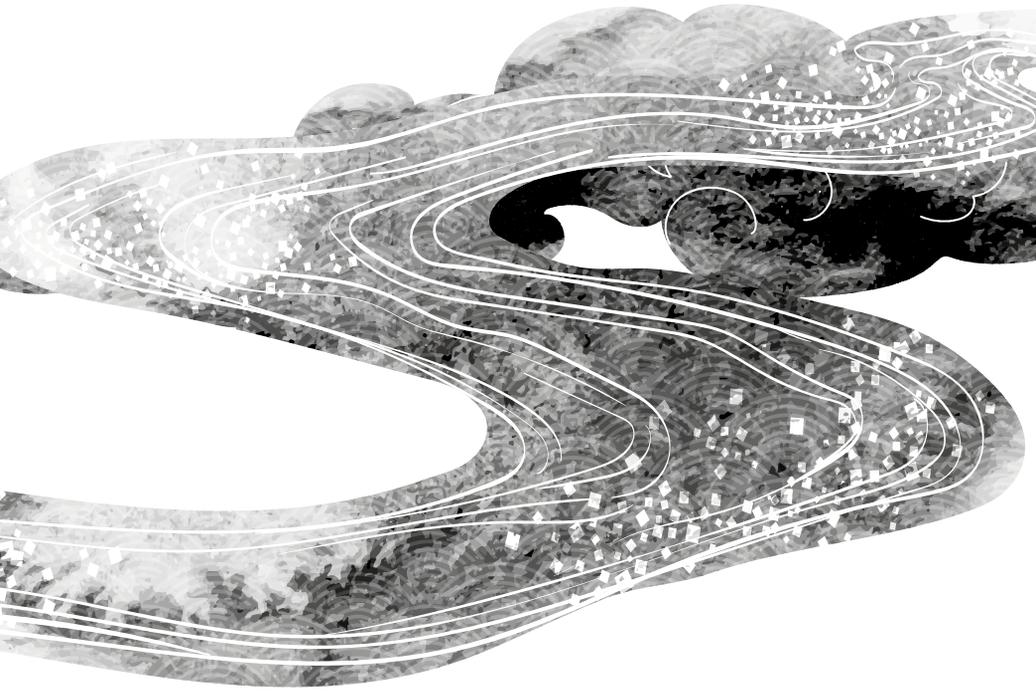
Часть вторая МОТИДЗУКИ МИНОРИ

Глава 9. За год не раз сменяются ветра.	130
Глава 10. Говорить на одном языке — не значит понимать	143
Глава 11. Ночь Момидзи	163
Глава 12. Весенние картинки, припорошенные снегом.	178
Глава 13. Дурные сны в тысящу	211
Глава 14. Исповедь Таичи.	226
Глава 15. Дети, несущие бесчестие отцов	238

Глава 16. Юки-онна, нэкомата и смертный	253
Глава 17. Бури горы Химицу	267
Глава 18. Борьба внутри	282
Глава 19. Горячее желание — проход в небеса	290
Глава 20. Альый цвет всегда к лицу	301
Эпилог	311
Глоссарий	315

人口人口

«**В**ода будет гореть...»

Эти слова звучали во снах губернатора острова Дэдзима¹ — Мацудайра Ясухиры — уже много лет. Впервые он услышал их от странствующего отшельника, которого семья губернатора, в те времена ещё не распустившего на кимоно детские складки катааге, пустила в пристройку на ночлег. Отшельник-синтоист почитал богов и видел их знаки во всём — от положения риса в плошке до отсвета заката в бадье с водой.

Ясухира, как и любой непоседливый ребёнок, украдкой наблюдал за ним, даже когда отшельник пожелал остаться в одиночестве для молитвы. Именно тогда будущий губернатор Дэдзимы и услышал судьбоносные слова про горящую воду.

За годы, прошедшие с тех пор, он убедил себя в том, что отшельник говорил об отражении алого заката в воде. Иных трактовок быть не могло, как не могла вода гореть, если, конечно, речь не шла о какой-то горючей жидкости.

«Не будет простая вода гореть, — думал Ясухира, смотря на притихшую к ночи бухту. — Вода побеждает огонь». Он не знал, почему детские воспоминания вновь встревожили его в такой мирный вечер, ведь обычно они оставались смутным шёпотом ночи.

«Он говорил что-то ещё, но я помню только огонь... И почему думаю о нём сейчас?» — вопрошал он, оглядывая

---

¹ Дэдзима — искусственный остров в бухте Нагасаки, построенный в XVII веке для осуществления внешней торговли. В период сакоку (самоизоляции Японии от других стран) был единственным голландским торговым портом в стране.

пришвартованные голландские корабли — единственные, которым была разрешена торговля с Местом-Где-Восходит-Солнце¹.

Ответ на вопрос Ясухиры скрывался в трёх морских милях от Дэдзимы, где на спущенных парусах дрейфовал британский фрегат «Фээтон».

Арчибальд Картер, в сущности, был неплохим человеком. Просто очень голодным.

Голод стал для него новшеством, которого потомственному графу и члену Королевского общества прежде удавалось избегать. Разумеется, Арчибальд читал в книгах и путевых заметках о неизбежных лишениях своих предшественников, отправлявшихся в научные экспедиции. Но читать — это одно, а чувствовать, как живот крутит от пустоты внутри — совсем другое.

Именно голод не позволил чести Арчибальда воспротивиться предложению капитана Флитвуда Броутона Рейнольдса Пелью, которое тот озвучил в своей каюте ему, нескольким доверенным офицерам и старпому.

— Мы войдём в Нагасаки, чтобы пополнить запасы пресной воды и провизии.

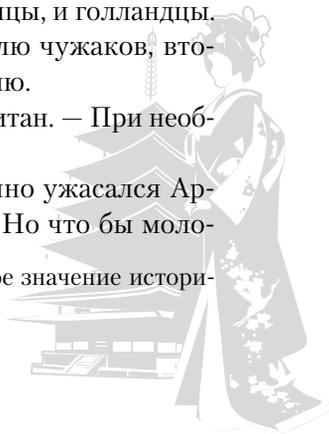
— Нас погонят взащей, — пробасил преклонных лет старпом, относившийся к девятнадцатилетнему Флитвуду с почти отеческой строгостью. — Причём и японцы, и голландцы. Первые — чтоб не допустить на свою землю чужаков, вторые — чтоб мы не саботировали их торговлю.

— У нас больше орудий, — возразил капитан. — При необходимости будем угрожать.

«Мирному торговому порту? — мысленно ужасался Арчибальд. — Это же скандал, варварство...» Но что бы моло-

---

¹ «Место, где восходит солнце» — переносное значение исторического названия Японии, Ниппон.

дой граф, а ему тогда было немногим больше, чем Флитвуду, ни думал, оспорить решение капитана он не решился.

— У нас всего два варианта, Мэллард, — спокойно сказал капитан. — Первый: мы поднимаем паруса, уходим от Нагасаки и умираем от голода, пытаюсь добраться до ближайшего дружественного порта. Второй: мы угрожаем, запасаемся провизией, которой у голландцев на Дэдзиме в избытке, и возвращаемся домой живыми.

На это старпому Мэлларду возразить было нечего. Ни он, ни кто-либо другой из притихших в каюте офицеров не горел желанием умирать. Это во многом отличало их от японских аристократов, именуемых самураями, которые воспитывались в принятии смерти, когда иного честного способа жить не оставалось.

Арчибальд Картер, разумеется, понятия не имел о самурайской чести. К концу разговора он просто отчаянно хотел, чтобы Флитвуд привёл свой план в исполнение, и вся команда смогла поесть.

«Неизбежное варварство, — мысленно оправдывался он. — Всё-таки на кону наша жизнь. Да и мы никому не причиним вреда... Только пригрозим...»

Той ночью угрозы стали залпами тридцати восьми орудий «Фаэтона», и вода у Дэдзимы горела вместе с голландскими кораблями.

На рассвете Мацудайра Ясухира, не сумевший защитить вверенный ему порт, сделал продольный разрез на животе, избрав сэппуку¹ единственным способом очиститься от позора.

Умирая, он вспоминал слова отшельника.

«Вода будет гореть...»

Во снах Ясухиры синтоист говорил что-то ещё.

---

¹ С э п у к у — ритуальное самоубийство самурая.

«Вода будет гореть, когда солнце начнёт замерзать».

«Вот что это были за слова, — думал губернатор. — Так пусть те, кто принёс с собой огонь, познают холод замерзающего солнца».

Даже очищающую смерть сумел очернить «Фаэтон», уже давно отошедший от берегов Дэдзимы. Умереть Ясухира должен был с ясным сознанием, а из-за чужаков уходил с проклятием в мыслях. И на устах.

В то же время на борту британского фрегата мирно спал сытый Арчибальд Картер. Под утро ему обычно становилось жарко в маленькой каюте, но в этот раз графа разбудил пробирающий до костей холод. Кутаясь в тонкое одеяло, он отправился в камбуз за чаем, а по возвращении в каюту сделал открытие, имевшее к науке мало отношения, но безвозвратно изменившее его жизнь.

Это открытие было женщиной в потрёпанном кимоно, пугливо сжавшейся у стены и глядящей на Арчибальда полными надежды голубыми глазами.

— Х-холодно, — пролепетала она на ломаном английском.

Укутывая незнакомку в одеяло, граф невольно сравнил её с фарфоровой куклой. Тонкие черты выбеленного лица, тёмные мазки бровей, веера ресниц и вся её экзотичная, по мнению британца, красота и впрямь заслуживали такого сравнения.

— Спаситель, — выдохнула женщина, касаясь лбом пола.

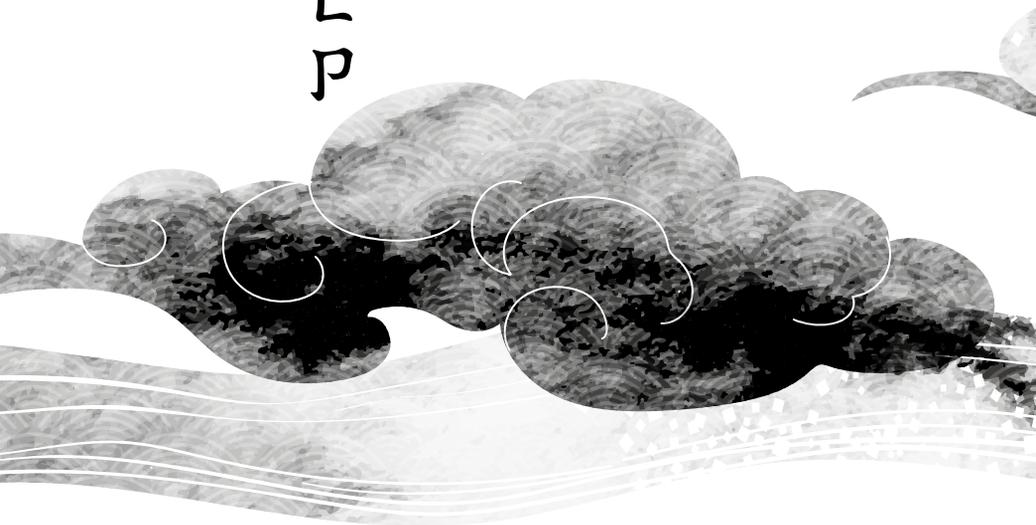
Смотря сверху вниз на её хрупкую фигуру, с таким доверчивым почтением свернувшуюся у его ног, Арчибальд Картер понял, что пропал.

Пропал на добрые двадцать лет, наполненных ложью, осуждением и любовью.

Ч
А
С
Т
Ь
П
Е
Р
В
А
Я

М
И
Н
А
К
А
Р
Т
Е
Р

ГЛАВА I

КОТАМ ПО ДУШЕ СЧЕТ

— Мина! Мина, негодная девчонка, вернись и оденься, как подобает леди! — крик миссис Тисл звучал из парадных дверей небольшого коттеджа, и я знала, что тучная гувернантка при всём желании не сможет меня догнать.

Поборов желание обернуться и показать ей язык, я продолжила бежать прочь от дома — к конюшням. Рано или поздно мне всё равно предстояло вернуться, а навлекать на себя ещё больший гнев гувернантки, у которой была очень тяжёлая рука, не особо хотелось. Хватало и того, что я выбежала на улицу в льняных штанах, которые обычно носили деревенские мальчишки, и заправленной в них тонкой ночной рубашке.

«Не леди ни разу, зато удобно, — мысленно усмехнулась я, не обращая внимания на то, как подросшая за лето грудь то и дело норовила показаться из распахнутого ворота. — Ещё и Финну наверняка понравится».

При мысли о тёплых руках сына местного конюшего, скользящих по моему телу, я почувствовала волну мурашек, пробежавших по спине. «Он обещал сегодня сделать меня женщиной... — Волнение, любопытство и нетерпение смешивались, подгоняя меня к месту свидания с Финном. — И почему конюшни так далеко от дома?!» Не глядя под ноги,

я неслась по типичным английским полям к видневшимся вдалеке деревянным крышам стойл.

— Мр-м-я-я-яу! — яростное мяуканье заставило меня обернуться.

На бегу этого, конечно, делать не стоило — это я поняла, запнувшись о кочку и растянувшись на влажной после дождя земле. Рубашка тут же намочила, а в нос ударил резкий травяной запах.

— Вот дерьмо... — я тряхнула головой, отгоняя звон, ударивший по ушам во время падения. — Нао, ты меня убить захотел?!

Белоснежный кот — причина моего падения — спокойно сидел рядом, глядя на меня белёсо-голубыми глазами.

— Предупреждаю! — я села на колени и приставила палец к его холодному носу. — Если ты от меня избавишься, кормить тебя будет некому.

Кот лениво уклонился от прикосновения и, как ни в чём не бывало, принялся вылизывать лапу.

— Фу, ты же по мокрой траве ходил!

Взгляд, которым меня одарил Нао, красноречивее слов говорил: «И что?» Однако в следующую же секунду кот вальяжно подошёл ко мне, тыкаясь лбом в бедро. «Засранец, знает, что я готова всё простить его милой моське».

Рука и правда по привычке потянулась погладить белую шерсть, однако мысли о свидании с Финном были сильнее.

— Нет у меня времени тебя гладить, брысь домой.

Я встала, отряхивая с испорченной рубашки комки грязи и травы. Не сдаваясь, Нао принялся тереться о мои ноги.

— Пусти меня, — строго сказала я.

Кот команду проигнорировал. А попытку перешагнуть через него или обойти пресёк, впившись когтями в ногу.

— Ай! Больно же! — я попыталась поднять его на руки, но Нао выгнулся и зашипел. — Что на тебя нашло?!

Вспышка кошачьего гнева мгновенно сменилась покорностью. Пушистое чудо снова приникло к моим ногам, почти подталкивая обратно к дому.

